

Александр Караганов

КОГДА в 1949 году А. А. Фадеев обратился в ЦК КПСС с запиской о неправильном, с точки зрения руководства Союза писателей, отношении ведущей части тогдашней театральной критики к советским пьесам, о необходимости более активной поддержки их новые темы и образы, он и не предполагал, что его вполне рядовая записка станет детонатором взрыва. В «Правде» появляется редакционная статья об антипатриотической группе театральных критиков. На нее откликаются литература, кино, музыка, живопись, другие искусства — у всех нашлись свои «антипатриоты». Кампания был придан характер борьбы с космополитизмом. Подобно тайфуну, она с чудовищной скоростью понеслась по землям искусства, захватывая и опустошая все новые поля, сметая десятки людей, и не только критиков, но и художников, лишая их работы, обрекая на голодное существование.

В ходе кампании немалую роль сыграл антисемитизм: недаром в «штрафные роты» космополитов так часто зачислялись евреи, недаром так старательно расшифровывались псевдонимы тех литераторов, которые выступали в печати не под паспортной фамилией. Но все же главным направлением кампании была борьба с низкопоклонством перед заграницей.

Кампания ширилась расходящимися кругами. Из художественной культуры она перебрасывается в науку и бьет прежде всего по наиболее современным ее отраслям. С подачи Лысенко работы Вавилова, Дубинина и других ученых, поднявших советскую генетику на мировой уровень и даже опередивших в решении ряда проблем своих зарубежных коллег, осуждаются как порочное подражание Менделю и Моргану, объявленным лжеучеными, хотя именно они заложили основы современной генетики, Кибернетика, сама мысль о ней изгоняется из советского общества, объявляется опасным порождением идеализма, идущего все с того же буржуазного Запада.

Подвергшиеся разностной критике научные школы и направления на несколько лет закрываются, запрещаются. А с учетом физических потерь ряда крупных ученых, прекращения подготовки молодых кадров и поражения страхом творческой мысли оставшихся на работе советская наука в ее важнейших и наиболее современных разделах была отброшена на несколько десятилетий назад.

Страх перед низкопоклонством в культуре и науке (по идее он должен был повлиять и на более широкие слои трудящихся) развивался на фоне «национального застоя»: мы самые первые, самые лучшие, почти все научно-технические приоритеты — наши, где там «гнилому Западу» до нас!

Приоритетов у нас действительно было немало. Но вот печальный парадокс: в дело они шли редко, и во многих случаях мы должны были за большие деньги покупать изделия советского происхождения, но западного производства.

Народ, всегда обладавший хорошо развитым чувством юмора, довольно активно откликается на шум о приоритетах — то песенкой «а также в области балета мы впереди планеты всей», то ехидным афоризмом: «Россия — родина слонов». Так или иначе наступил в нашей истории момент, когда ура-кричание сверху перестало восприниматься с прежней серьезностью: слишком большой образовался контраст между хвастливыми рапортами и «горевым трудоднем» тетки Дарьи (пользуясь выражением Александра Твардовского), состоянием дорог и технологического оборудования заводов, слишком обидно было наблюдать, как увеличивается разрыв между экономической победителей и побежденных, как далеко от нас уходят вчерашние союзники (впрочем, это было легко понять и объяснить: война не прокатилась по ним всеягнущим катком, как прокатилась она по Белоруссии, Украине, России).

А кампания ширилась.

Снова и снова недобрый словом вспоминается фильм Козинцева и Трауберга «Простые люди», в котором было натурально показано, как работники эвакуированного завода начинают выпускать оружие в недостроенных цехах, не ожидая, когда крыша и окна загорят их от ветров, дождей и снегов: подвиг, почти равный фронтовому, поистине героический подвиг объявляется поклоном на советскую действительность. Хотя на Урале не раз возникали именно такие ситуации: из Кремля их не видели.

В разгар кампании разностной критике подвергается Симоновская повесть «Дым отечества»: ее герой Басаргин осмелился похвалить дороги в США, удобные кинотеатры с кондиционерами и слишком иронично отозвался о своем сослуживце Николаеве, товарище по командировке в Америку, который любил бахвалиться русской баней, блинами и водкой, весьма пренебрежительно отзываясь о технических достижениях Америки. Такую зашоренность, соединенную с квазным патриотизмом, автор повести и ее герой считали признаком не силы патриотической, а слабости интеллекта и социального самосознания.

Сокрушительной критике подвергается вторая серия фильма Лукова «Большая жизнь» за то, что естественные для только что восстановленной шахты трудности, недоделки в фильме не приукрашиваются, а его героям, добывающим уголь для разоренной страны, приходится сталкиваться с просочившимся в шахтоуправление бюрократом.

В настоящее время принято решение о создании новой «Истории Отечественной войны»: не на той войне мы воевали, какая изображена в прежней «Истории»!

НАЗЫВАЮ факты разных лет. Повнешнему содержанию они очень разные, а тема, внутренняя идея — одна и та же: так или иначе они связаны с кампанией борьбы с низкопоклонством, с хвастовством своими несуществующими или раздуваемыми достижениями.

Диапазон кампании был широк — от травмы в газетах до лагерей и расстрелов или загадочной гибели в «автомобильной катастрофе», как это случилось с Михозом. Ее размах и жестокость не поддавались — так тогда казалось — рациональному объяснению. Между тем прошедшие с тех пор годы, если и не открыли всех архивов, всех секретов, все же позволяют разглядеть «внутренние пружины» кампании, дают материал для самых серьезных гипотез.

По беседе Сталина с Эйзенштейном и Черкасовым (о второй серии «Ивана Грозного»), по выступлениям Сталина, текстуально воспроизведенным в некоторых постановлениях ЦК по литературе и искусству (1946—1948 гг.), мы знаем, что Сталин нередко сравнивал себя с историческими деятелями прошлого, «примерялся» то к Петру I, то к Ивану Грозному... На этот раз он, очевидно, думал о Николае I и Александре I: побывав в Париже после разгрома Наполеона, русские войска привезли на Родину волюнтерские французской революции, которое станет одним из истоков декабристского движения. Прошагав пол-Европы в 1944—1945 гг., повидая там немало стран, в том числе и таких, что богаче и культурнее нашей, не зарылись ли советские офицеры и солдаты «западничеством», способным поро-

Доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств РСФСР Александр Васильевич КАРАГАНОВ возглавлял издательство «Искусство», 23 года был секретарем правления Союза кинематографистов СССР. В последние годы работает во Всесоюзном научно-исследовательском институте киноискусства. Автор более 20 книг и почти 400 статей о проблемах эстетики, театра, кинематографа.

дить некое подобие «неодекабризма»? Свойственные Сталину подозрительность, неверие в политический разум советских людей (которых он обидно называл «винтиками» государственной машины) подогревали опасения. И это после того как народ прошел суровейшую школу патриотического воспитания, в которой «переучивались» даже Оболенские, Вильде и другие русские аристократы-эмигранты, вступавшие в отряды французского Сопротивления, а то и становившиеся, как позднее расстрелянные гитлеровцами Вильде, их организаторами.

Опасения эти подхватывали конъюнктурщики от пропаганды. Особенно усердствовали — по дремучести своей — доморощенные скалозубы разных рангов, недалекие ушедшие в своем «духовном» развитии от безызывственного полковника из Грибоедовской комедии.

Соревнуясь друг с другом в прокурорстве, они истово служили «указаниям». На культуру, науку неслись все новые суховеи, сыпались удары один сокрушительнее другого. Результат получался драматически-парадоксальный — крики против низкопоклонства становились все громче, а его материальная база увеличивалась: высокую и горькую цену заплатило советское общество за такую борьбу с низкопоклонством, которая усиливала наше отставание от научно-технического прогресса Запада. Впрочем, иначе и быть не могло в обществе, окружившем себя китайской стеной культурного изоляционизма (фактически только одна брешь, идеологически весьма опасная, была пробита в этой стене: выпуск на советский экран около пяти сотен «трофейных» фильмов, в большинстве своем «коммерческих», искусно и хитро пропагандировавших буржуазную жизнь).

ПЕРЕНЕСЕМСЯ теперь на несколько десятилетий. В начале восьмидесятых годов группа московских кинематографистов встретила в Новосибирском академгородке с руководством Сибирского отделения Академии наук СССР, крупнейшими учеными страны. Поначалу беседа никак не клеилась и явно соскальзывала на светский разговор. Чтобы «мероприятие» не провалилось, один из нас задал хозяевам такой «провоцирующий» вопрос: всем нам, да и не только нам, до чертиков надоело слышать: «догоним, догоним, догоним»... Сколько же можно повторять одни и те же заклинания? Когда же мы на самом деле начнем догонять? Не можете ли вы рассказать, что вы, именно вы, авторитетнейшие ученые страны, делаете для того, чтобы от заклинаний перейти к практическим делам, начав с сокращения временных дистанций между рождением научной идеи и ее производственной реализацией?

И тут началось... Перебивая друг друга, наши собеседники стали объяснять нам, несмышляшкам, как они собираются «перегнать, не догоняя», и как мешают этому министерства и заводы, не желая понять, что сегодня надо уже планировать послезавтрашнюю продукцию. Досталось и кинематографистам, которые до обидного редко ставят на экране вопросы научно-технического прогресса, а если и ставят, то недостаточно остро.

В ходе беседы, по-настоящему захватившей, взволновавшей обе стороны, с новой ясностью открылась опасная сила «вала» и шаблонного планирования с ежегодной четырехпроцентной прибавкой по всем отраслям — безотносительно к перспективности и современному значению каждой из них.

Все сошлись на том, что борьба с низкопоклонством в стиле 1949 года ломаного гроша не стоит: надеемся, верим, что в нашу жизнь она больше не вернется. Единственный путь реально помочь росту социального самосознания и национальной, патриотической гордости советских людей состоит в том, чтобы дело делалось, практическое дело, — в науке ли, на производстве ли, в искусстве ли... И чтобы в делании этого дела Новосибирск или Калуга соревновались не только с Рязанью, но и с Токио, Детройтом, Лионом...

Ю. Черниченко, О. Лацис, Н. Шмелев, В. Селюнин, Г. Попов, другие наши экономисты давно уже доказали, что соревнование с Западом по количеству комбайнов, тракторов и других машин — не более как лишняя трата народных денег, труда и природных ресурсов. И еще одной истиной из тех, что прожигают мозги, они встревожили нас: пока что, даже в годы перестройки, производство работает в основном на себя, обслуживает себя, а пророст продукции для человека остается минимальным. Насчет очередей мы и без экономистов знаем: они не убывают, а в каких-то случаях даже растут.

Для страны, первой проложившей дорогу в космос и сумевшей в труднейшие для себя годы ликвидировать ядерное превосходство США, создав материальные основы для успеха переговоров по разоружению, невозможной, непростительной, непереносимой, можно даже сказать, безнравственной остается работа тех предприятий и строек, которые думают больше о плане и премиях, чем о потребителях их продукции.

По-прежнему строятся дома с большими недоделками. Прокладываются дороги с волнистым, ухабивающим и непрочным покрытием — на их повторяющийся из года в год ремонт затрачива-

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

ются средства, превышающие первоначальную стоимость строительства. Выпускаются телевизоры, которые выходят из строя в пять, семь, а то и десять раз быстрее японских. Публика, особенно молодежь и женщины, гоняются за туфлями, куртками, брюками, рубашками, пальто иностранного происхождения не из-за снобизма и моды (хотя среди охотников до всего иностранного есть и снобы, и модники, но без этого), а по той простой причине, что у «них» все это получается лучше, чем у «нас».

А «вымывание» из торговли дешевых товаров... Покупатели давно уже перестали спрашивать в магазинах «Марию» — прекрасное сухое печенье, о нем уже начали забывать, зато почти всегда могут купить сдобное, хоть оно многим, особенно пожилым людям, и не подходит: ассортимент товаров определяется не интересами покупателя, а интересами фабрики — сдобное выпустить выгоднее. «Мария» — только один из многих примеров, и далеко не самый существенный.

ДОКОЛЕ же мы будем завидовать «им», сочиняя про свою неумелость, нерасторопность, дурную расчетливость самые разнообразнейшие анекдоты, иногда добродушные и веселые, а иногда и сердитые, хотя тоже веселые (в анекдотах-то мы давно всех обогнали)!

Но анекдотами, даже самыми остроумными, не загородишься от вещей более чем серьезных: залежи невостребованных товаров не убывают, нужных не хватает, денежные вклады в сберкассах и отложения в кубышках растут... Диспропорции нужных товаров и денежной массы сами по себе неприятны. Но с ними жить еще можно. А вот что же с внедрением фактического хозрасчета, расширением кооперации, индивидуального и коллективного подряда?.. Каждый день мы читаем в газетах, смотрим по телевидению, слушаем по радио, самолично видим при поездках по стране, насколько же эффективнее работают люди, ставшие хозяевами своего дела! В 7—8 раз повышая производительность труда, они и зарабатывать стали больше. А куда девать деньги? Не нужно быть экономистом, чтобы сообразить такую простую вещь: не обеспеченные нужными товарами деньги теряют в цене, а значит, сокращается материальная заинтересованность работников в дальнейшем увеличении производства продукции. Пока, на самом начальном этапе процесса, этот фактор не так уж заметен. Но он станет очень заметным завтра. И может очень сильно стегануть по кооперации, подрячному и арендному делу.

О многом из того, что здесь написано, говорилось на XIX партконференции. С небывалой откровенностью, прямотой, самокритичностью. О многом пишет пресса. Все это рождает новые надежды. Ведь при замалчивании и припудривании наших экономических болячек жить нам сейчас было бы совсем худо. Правда — не успокоительное. Но без правды нет надежды. А она появилась!

За последнее время мне довелось побывать на ленинградском «Светлане» в Новосибирском заводе бесшумных ткацких станков, на Могилевской фабрике детской обуви и знакомиться с рассказами генерального директора Ивановского производственного объединения Кабаидзе (слушать его на собрании драматургов и читать его выступления на партконференции). Четыре разных производства, похожие умной и до полной одержимости настойчивой работой их руководителей, конструкторов, инженеров, техников, мастеров, рабочих, добившихся того, что их продукцию признала страна и еще десятки стран покупают. В том числе и Япония. Та самая Япония, которая поражает мозг, как некий технический феномен, нечто фантастическое и недосягаемое.

Таких предприятий у нас мало. А на московских улицах (впрочем, и не только московских) то и дело встречаешь высокие парней и девички, которые щеголяют в джинсах «Левис», в рубашках с иностранными надписями, иногда даже покрытых звездами и полосами американского флага. При появлении хороших туфель с маркой «Саламандер» по-прежнему выстраиваются очереди длиннее, чем за водкой. Одна надежда: количество предприятий, бригад, звеньев, кооперативов, семей, работающих на подряде, будет расти, госпредприятия ускорят переоборудование. Ведь речь идет уже не о том, чтобы что-то изобретать и начинать осторожные проверки найденного. Идеи и принципы перестройки, работоспособный хозяйственный механизм созданы. Остается самое трудное, но зато самое понятное и конкретное — начинать практическую работу по-новому. Каждому — по-новому. А это и утяжелит наш рубль. Создаст новые массы покупаемой продукции. И значит — новые стимулы дальнейшего повышения производительности труда, качества работы, увеличения наукоемкости и сокращения энергоемкости производства.

Сейчас необыкновенно важно, чтобы пафос умной работы по-новому, по-современному захватил не только тех, кто трудится в промышленности, сельском хозяйстве, науке, но и мастеров искусств: своими произведениями, при условии их талантливости, они многое могут сделать для того, чтобы создать в обществе атмосферу нетерпимости к бракоделам и просто равнодушным людям, которые работают привычно, по-вчерашнему плохо, да еще и в газете пишут о том, как это славно было, когда «железной рукой» навелся порядок, не желая даже подумать о том, что именно тот «порядок» командно-административной системы и стал источником, почвой, основой последующего застоя.

ОБО ВСЕМ об этом тем более важно сказать, что перестройка в художественной культуре все еще ограничивается обнаружением ранее созданных произведений (что само по себе имеет неочинимое значение) и поистине боевой публицистикой. Среди авторов новых художественных произведений наблюдаются элементы некоторой растерянности. Одни мастера считают, что перестроечные произведения — это прежде всего публицистика в жанре драмы или фильма; другие полагают, что такими произведениями на ранее недооцененные темы (например, серия фильмов о растленной части молодежи — «Маленькая Вера», «Меня зовут Арлекино», «Дорогая Елена Сергеевна» и др.), третьи убеждены, что темы и проблемы перестройки могут с необходимой силой решаться лишь опосредованно, где они проходят глубинным потоком, вторым планом (по принципу, выраженному Твардовским: «пушки к бою едут задом»). Наверное, у каждого из таких мастеров есть своя правда. Наверное, утверждению духовности, нравственности могут служить произведения разных типов, лишь бы они были поисковые, неинерционные. Ясно одно: перестройке не могут служить скороспелки — отклики, сделанные по канонам драматургии конца 40-х — начала 50-х годов (директор — за обновление технологических линий, главный инженер — против, партком и общественность помогают директору-новатору побороть инженера-консерватора). Сам художественный строй такого рода произведений укрепляет шаблоны мышления, сводит перестройку к традиционной борьбе привычных новаторов с привычными консерваторами.

Не удовлетворяют зрителя и публицистические пьесы, сценарии, в которых бесконечно делятся разговоры о принципе перестройки, искусственно затягивается ее «митинговый» период, обсуждение моделей и задерживается переход к живому делу, о чем специально говорилось на июльском (1988) пленуме ЦК КПСС, обсуждавшем вопрос о практической реализации решений XIX партконференции. Необыкновенно важно, чтобы литература и искусство повели борьбу с заблыванием перестройки, а не стали ее стимуляторами.

При этом мы не можем забывать, что перестройка, демократизация, гласность выдвинули нашу страну на авансцену современной истории. Повысилась ответственность каждого из нас за начатое дело. Каждого!